

3. Некоторых сленговых фразовых глаголов также нет в американском. Например, *arse about* – ‘валять дурака’.

4. Американские фразовые глаголы с несколькими послелогом обозначают то же понятие, что и фразовые глаголы с одним послелогом в британском английском: AmE *abut against/up* – BrE *abut against* (‘упираться’), AmE *agree with/in* – BrE *agree with* (‘иметь одинаковые взгляды’).

5. В разных вариантах английского языка используются разные послелогом для обозначения одного смысла AmE *fill out/take away*, BrE *fill in/take out*.

6. Несмотря на то, что американцы больше склонны к употреблению фразовых глаголов, в британском английском количество фразовых глаголов больше.

7. Иногда один и тот же послелог даёт разное значение фразовому глаголу: *ask about/around* – AmE ‘inquire about someone’; BrE ‘invite someone to one’s home’; *ask up* – AmE ‘invite for a visit’; BrE ‘invite upstairs’.

Таким образом, постепенно английский язык поддается влиянию американской масс-культуры (реклама, телесериалы, американская киноиндустрия и т. п.), основным дискурсом которых являются банальные бессодержательные диалоги, и американская речь становится моделью разговора на английском языке.

Литература

1 McArthur, T. *The Oxford Companion to the English Language* / Tom McArthur. – Oxford : University Press, 1992. – 1184 p.

2 Kennedy, A. G. *The Modern English Verb-Adverb Combination* / A. G. Kennedy. – Yale University Press, 1972. – 301 p.

УДК 75.03*М.А. Врубель:069.5:069(470-4)

Я. И. Леоненко

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОКОВ К ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВУ М. А. ВРУБЕЛЯ

Статья повествует о восприятии Михаила Александровича Врубеля современниками: крайне противоречивом отношении к личности художника и его таланту. В публикации отражены отдельные сюжеты биографии М. А. Врубеля, в частности, рассказывающие о сложностях, с которыми художнику пришлось столкнуться на различных этапах его творческого пути.

Михаил Александрович Врубель – русский художник рубежа XIX–XX веков, мастер универсальных возможностей, прославивший своё имя практически во всех видах и жанрах изобразительного искусства: живописи, графике, скульптуре. Он был известен как автор живописных полотен, монументальных росписей, декоративных панно, театральных декораций, книжных иллюстраций, как скульптор, керамист и даже архитектор.

Несмотря на универсальность таланта М. А. Врубеля, его творчество вызывало крайне противоречивые мнения и оценки. Многие современники не признавали его, обвиняя в дилетантизме. Картины художника часто не принимались на выставки, многие иллюстрации не были опубликованы, меценаты нередко отказывались приобретать его произведения, критики часто давали негативные оценки.

В своих воспоминаниях К.А. Коровин писал: «Огромную зависть вызывал Врубель своим настоящим гениальным талантом. Он был злобно гоним. Его великий талант

травили и поносили и звали тёмные силы непонимания его растоптать, уничтожить и не дать ему жить. Пресса отличалась в первых рядах этого странного гонения совершенно неповинного ни в чем человека. М. А. Врубель, чистейший из людей, кротко сносил все удары судьбы и терпел от злобы и невежества всю свою жизнь» [1].

Среди художественных критиков особо яркой неприязнью к творчеству Врубеля отличался В.В. Стасов, об этом говорят даже сами названия его статей: «Нищие духом», «Подворье прокаженных» и др. [2], [3]. Критик писал: «Врубель очень хороший и милый человек, и даже отчасти небесталанен». Но эта похвала сразу же перечёркивалась следующей фразой: «Однако работы его до того нелепы и безобразны, что никакого терпения нет!» [4].

Уместно отметить, что подобную оценку В.В. Стасова вполне разделял и писатель М. Горький. О картинах художника М. Горький говорил, что все они исполнены «какими-то ломаными линиями, капризными мазками, неестественных цветов красками, грубо, с ясной претензией на оригинальность», что он пишет «деревянные картины, плохо подражая в них византийской иконописи», что всё это «уродство» [4].

Стоит заметить, воспитанники Академии художеств, проходившие там обучение вместе с М. А. Врубелем, в своих воспоминаниях отмечали, что художник обладал исключительной требовательностью к себе, целеустремлённостью и высокой эрудированностью. «Образование этого человека было огромно. ... Я не видал более образованного человека», – говорил К. А. Коровин [5, с. 229]. «Врубель рисовал не как все, он рисовал с напряжённым вниманием», – вспоминал М. Н. Нестеров. Вместе с тем и в мемуаристике также можно обнаружить подтверждение разноречивого отношения к таланту художника: «Отношение к нему товарищей было двоякое: удивлялись одни, недоумевали другие, но те и другие чувствовали в нём явление чрезвычайное», – писал М. Н. Нестеров. В классе композиции, где были выставлены эскизы, отобранные как образцы, находился и эскиз М. А. Врубеля «Обручение Марии с Иосифом». Это произведение, а также работа В. И. Сурикова «Пир Вальтасара», по словам М. Н. Нестерова, вызывали наибольший интерес [6, с. 224].

Двойственным в отношении художника было не только мнение студентов Академии, но и преподавательского состава. Высоко талант М. А. Врубеля оценивали П. П. Чистяков и И. Е. Репин – педагоги, к которым сам художник относился с огромным уважением и благодарностью. При этом многие другие преподаватели не были согласны с оценками П. П. Чистякова и И. Е. Репина, подтверждением чего может служить, например, проставленный на рисунке Врубеля «Натурщик» номер «85», являющийся оценкой, выставленной комиссией Академии (лучшая работа удостаивалась первого номера, худшая получала последний) [7, с. 14].

Весьма показательной для отражения неоднозначного отношения современников (в том числе и преподавателей Академии художеств) к творчеству художника является история экспонирования врубелевских панно «Принцесса Грёза» и «Микула Селянович», выполненных по просьбе С. И. Мамонтова для Всероссийской промышленной и художественной выставке, проходившей в Нижнем Новгороде в 1896 году.

Дело в том, что подготовка данных работ официально не согласовывалась с Академией художеств, поэтому было организовано жюри художественного отдела, в состав которого вошли академики, известные в то время художники, специально приехавшие в Нижний Новгород для оценки произведений Врубеля. В результате члены данного жюри выступили против экспонирования панно на нижегородской выставке [7, с. 51–53]. Михаил Александрович писал: «Работал и приходил в отчаяние; кроме того, Академия воздвигла на меня настоящую травлю...» – та Академия, из стен которой он вышел и которую считал главной школой своей жизни [8, с. 61].

С. И. Мамонтов не согласился с решением жюри, в кратчайший срок он арендовал участок земли, выстроил на нём специально для табуированных работ М. А. Врубеля

павильон, над входом в который поместили вывеску: «Вывеска декоративных панно художника Врубеля, забракованных жюри Императорской Академии художеств» [7, с. 53]. Произведения Михаила Александровича вызвали огромный интерес у многочисленных посетителей. Павильон с панно открыли одновременно с выставкой. Так, после разногласия с комиссией талант художника всё же был оценён.

Ещё одним доказательным примером настороженного отношения к таланту М. А. Врубеля являются события, относящиеся к киевскому периоду его творчества (1884–1889 гг.). В данном случае речь идёт о событиях, связанных с росписью достраивавшегося тогда в Киеве Владимирского собора. Руководить росписями этого собора предстояло А. В. Прахову, который обещал М. А. Врубелю участие в них. Но он вовсе не собирался делать Михаила Александровича главным художником собора. А. В. Прахов не хотел возлагать на себя ответственность перед строительным комитетом и церковниками за результаты работ молодого и ещё малоизвестного М. А. Врубеля, поэтому предпочёл ему В.М. Васнецова – живописца, к тому моменту уже пользующегося известностью; а также художников академического направления братьев Сведомских и Котарбинского. Михаил Александрович воспринял это крайне тяжело и был всерьёз обижен как человек и художник [9, с. 14–15].

Спустя некоторое время М. А. Врубель всё же получил разрешение на выполнение небольших орнаментов во Владимирском соборе. Когда роспись собора была завершена, художники, критики, любители искусства увидели, что она не оправдала возложенных ожиданий: получилась разрозненной, эклектичной. Лишь скромные орнаменты М. А. Врубеля в боковых кораблях собора впечатляли изяществом и своеобразием: «Какой чистой, ясной, вдохновенной музыкой льются они по стенам. ... Эти орнаменты Врубеля совершенно поразительны. Они не сделаны в каком либо стиле, но сколько в них собственного, настоящего стиля. Это дивные ковры, равняющиеся лучшим персидским и арабским коврам. Глядя на них, я поверил, что Врубель гениален. ...», – писал А. Н. Бенуа [10]. Тогда же стали раздаваться негодующие голоса критики, не понимавшей, отчего на стенах собора нет больших сюжетных композиций Врубеля; автором его орнаментов называют В. М. Васнецова или А. В. Прахова; а имя настоящего художника даже не поместили на мраморной доске, где перечислены все участники строительства и украшения собора. А. Н. Бенуа по этому поводу говорил: «Фрески Врубеля в Кирилловском монастыре будут в истории русской живописи служить вечным укором для тех, на долю которых выпало распоряжение декоративными работами Владимирского собора. Совершенно непонятно, как мастер, обнаружившийся в самом начале своей деятельности с такой поразительной силой, с таким изумительным чувством монументального и церковного стиля, не был привлечён для более крупной и самостоятельной работы – и это в том же городе... Но, если бы Врубелю досталось воплотить в грандиозных размерах свои замыслы... то, наверное, у нас, единственное у нас, в настоящее время и в целом мире, появились бы на стенах божьего храма истинно живые, истинно вдохновенные слова» [11].

Приведённые выше случаи, когда творчество М. А. Врубеля одновременно порицали одни и хвалили другие, далеко не единичны. Эта тенденция прослеживается фактически на протяжении всего его творческого пути. Очень точно в своих воспоминаниях подметил художник Н. И. Мурашко: «О Врубеле нет среднего мнения. Он для одних гений, для других нечто весьма странное, ни на что не похожее из того, к чему так привыкли. Врубеля очень трудно объяснить другому, его только можно показать и спросить: приемлется это или нет. Приемлется он – ладно, а не приемлется, лезть из-за этого на стену, как я вижу из опыта, совсем не следует» [12, с. 159–160].

Подводя итог, необходимо отметить: художественная манера М. А. Врубеля настолько индивидуальна и нетривиальна, что искусство художника осталось непонятным, а как следствие, непринятым большинством его современников. Лишь в последние

годы жизни к душевнобольному, а затем и ослепшему художнику пришло признание: критики по достоинству оценили талант мастера, коллекционеры начали раскупать его произведения, для его работ, наконец, распахнулись двери музеев, появилось понятие «стиль Врубеля». В день похорон художника А. Н. Бенуа сказал: «Будущие поколения ... будут оглядываться на последние десятки XIX века, как на «эпоху Врубеля». ... Именно в нём наше время выразилось в самое красивое и самое печальное, на что оно было способно» [10].

Литература

- 1 Константин Коровин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kkoorovin.ru/> – Дата доступа: 13.03.2017.
- 2 Стасов, В. В. Нищие духом / В. В. Стасов // Избранные сочинения в трех томах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1899_nishie_duhom.shtml– Дата доступа: 3.03.2017.
- 3 Стасов, В.В. Подворье прокаженных / В.В. Стасов // Избранные сочинения в трех томах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1899_podvorie_prokazhennyh.shtml – Дата доступа: 3.03.2017.
- 4 В. В. Стасов и русская передовая общественная мысль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/arhiv/vvstasov.html> – Дата доступа: 10.03.2017.
- 5 Коровин, К. А. М. А. Врубель / К. А. Коровин // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л. : Искусство, 1976. – С. 228–251.
- 6 Нестеров, М. В. Врубель и Серов / М. В. Нестеров // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л. : Искусство, 1976. – С. 224–227.
- 7 Скоробогачева, Е. А. Михаил Врубель / Е. А. Скоробогачева. – М. : Арт-родник, 2010. – 96 с.
- 8 Врубель, М. А. Письмо к А. А. Врубель № 43 май 1896 / М. А. Врубель // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л. : Искусство, 1976. – С. 61–62.
- 9 Суздалев, П. К. Врубель / П. К. Суздалев. – М. : Советский художник, 1991. – 364 с.
- 10 Мир Врубеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vrubel-world.ru/> – Дата доступа: 12.03.2017.
- 11 Михаил Врубеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wroubel.ru/> – Дата доступа: 13.03.2017.
- 12 Мурашко, Н. И. Воспоминания старого учителя / Н. И. Мурашко // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л. : Искусство, 1976. – С. 157–160.

УДК 811.161.3'271'42:821.161.3-31*И.Мележ:811.111'25:811.112.2'25

Л. А. Лещенко

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕАЛИЙ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ (на примере переводов романа И. Мележа «Люди на болоте»)

Данная статья посвящена проблеме перевода этнографических реалий, которые играют большую роль в передаче национальных особенностей белорусского народа, с белорусского на английский и немецкий языки. Автор анализирует приёмы перевода реалий, иллюстрируя их примерами из произведений выдающегося представителя белорусских писателей-прозаиков XX века Ивана Мележа. В статье представлен сравнительный лингвокультурологический анализ оригинальных текстов белорусского автора и их переводов на английский и немецкий языки, и дана критическая оценка их качеству.